

ГЛАВА 01

Не хочу быть как отец, и все же я наполовину — он.

Даже спустя шесть лет его смерть не дает мне покоя. Она — как гноящаяся рана, края которой расходятся, стоит мне взглянуть на поместье на гребне горы. Она саднит, напоминая обо всем, что я утратил, когда мне было всего десять лет.

Здесь, на чердаке над таверной, все тихо, только свистит в трещинах на окне вьюга. Мы с матерью сидим у тлеющего очага. Ее белые, как кость, волосы падают на бледное лицо; хрупкие пальцы впиваются в подлокотники кресла.

Я никчемен, не в силах раздобыть денег даже на лекарство или теплое одеяло. И если я без отца почти не страдаю, то мать без него превратилась в призрак прежней себя. Еще несколько лет назад она была могущественной дамой и владела дуэльной тростью. Этим гордым и почетным оружием она могла бы защитить нас, проложив путь обратно к Вершине.

Однако ее сразила болезнь — чахотка. С тех пор я материнской трости не видел.

— О чем думаешь, сын? — спрашивает мама, взглянув на меня.

Сквозь новую трещину в крыше, грозя погасить последние угольки в очаге, задувает ветер. Вздогнув, я подтягиваю колени

к груди. Когда-то мы жили по-королевски, но все изменилось: однажды я вошел в кабинет к отцу и застал его лежащим на полу в луже крови.

Это назвали самоубийством.

Я стискиваю зубы.

— Конрад, — сипло зовет мать, — ты думаешь о нем. Снова. — Она кашляет, прикрыв рот рукой, и хватает меня за плечо. — Месть ничего не вернет, сын.

— Кое-кого вернула бы.

У мамы начинают дрожать губы, и она отпускает меня. Я зажмуриваюсь. Зря напомнил ей о сестренке. Нельзя беречь рану в душе матери. Нельзя, ни за что.

— Конрад, — шепчет мама, — этот мир требует, чтобы ты брал свое. Брал силой. Поэтому твой отец не знал покоя. Хочешь стать как он?

— Мама... — Почему она никак не уступит?

— Хочешь?

— Нет.

— Тогда будь выше этого мира, — натужно произносит она. — Будь лучше.

Мы замолкаем. Хотелось бы мне стать лучше, но в беспощадном мире, где так легко утонуть в куче отбросов с Вершины, это вряд ли возможно.

Мать утверждает, будто бы добро окупается. Десять лет назад она дала денег Макгиллу на эту таверну, и вот он пустил нас к себе бесплатно. Однако, если не считать Макгилла, утверждение матери — полная чушь. Где друзья, которым я помогал? Почему не пришли, когда дядя сверг нас?

Я с горечью провожу языком по зубам.

Дрожащей рукой мать тянется за кружкой воды, но опрокидывает ее. И тут же сгибается в сильном приступе кашля.

— Мама! — Я вскакиваю на ноги.

Она не может вздохнуть, бьется в конвульсиях. Запрокидывает голову и валится из кресла, падает мне на руки, деревенеет. Глаза у нее закатились, а с губ течет густая черная слизь.

Неужели это последний приступ?

Я прижимаю мать к груди и держу крепко-крепко, словно в моих силах унять хворь, словно я могу все исправить. Словно я не терял контроль над жизнью с тех пор, как умер отец.

Конвульсии наконец-то проходят, и мать обмякает. Сам я цепенею от ужаса. Не хочу проверять ее пульс. А вдруг я держу ее последний раз? Набравшись смелости, прижимаю пальцы к ее шее и... не чувствую поначалу совсем ничего. Затем — легкое подрагивание вены.

На глаза наворачиваются слезы преждевременной радости. Судороги вернутся. Они всегда возвращаются, точно хищник, что держится неподалеку и подкрадывается в ночи. Из-за приступов матери я сплю на полу возле ее кровати.

Мать, беспомощная, точно младенец, чуть дышит, и я отношу ее на потертый матрас. Укутываю в тонкие одеяла. Потом убираю волосы у нее со лба и рукавом вытираю ее губы.

Матери я обязан той половиной себя, что требует быть сострадательным — даже к тем, кто этого не заслуживает. Вот только как мне возвыситься, если обедаки из таверны для нас — настоящий пир?

Я, стиснув зубы, смотрю в окно. Склон горы, вплоть до самого пика и стоящего на нем крупнейшего на острове поместья, усыпан огнями. Поместье должно было стать моим, но, когда умер отец, я был слишком молод, чтобы принять наследство, а мать не принадлежит к нашему роду.

Поэтому теперь эрцгерцог — мой дядя.

Да только мне плевать, кто он. Придет день, и узурпатор падет к моим ногам, истекая кровью, вкусив те же страдания, на которые обрек нас.

Придет день, и он станет молить о пощаде.

Дыхание матери становится сиплым, лоб у нее горит. И, глядя на ее мучения, я будто слышу голос отца: «Она умирает». Эти два слова — точно ржавый нож по сердцу.

Я мотаю головой. Нет, просто ночь выдалась холодная. Я достану дров, поработаю в баре у Макгилла за миску теплого супа для матери. Она еще поправится.

«Ты знаешь ее последнее желание, — шепчет голос отца. — Приведи Эллу».

Дядя наверняка растит мою сестру коварной — под стать себе. И все же я не могу бросить мать. Не могу ее тут оставить. Однако стоит положить руку ей на грудь, ощутить затухающее биение сердца, и я зажмуриваюсь. Разум, подобно морозному узору на стекле, застит мысль: «Надо предпринять хоть что-нибудь. Прямо сейчас».

Над каминной полкой поблескивает отцовская дуэльная трость — метровая палка с серебряным набалдашником в виде орла. Каждая трещинка на ее черной поверхности — это история, сага о восхождении моих предков. После того как мы всего лишились, трость стала единственным способом заработать денег.

Иногда по ночам, прихватив оружие, я спускался в Низинную бойцовую яму и там, на ветхой арене, под крики азартной толпы бился с отчаявшимися бедняками за гроши. Отец обучил меня утонченному пути трости, однако низинники бьются грубо, и за победы я платил ссадинами и синяками — все, лишь бы прокормить маму.

Сейчас еда не поможет. Да и лекарство, наверное, тоже. Проклятье! Матери нужно вернуть надежду, то, ради чего она станет бороться.

Ей нужна Элла.

Я целую мать в лоб и, прихватив трость, выпрыгиваю через окно в метель.

Возвышаясь надо мной, стоит на склоне единственной горы острова Холмстэд белый город. Внизу чадят кривые трубы над крышами лачуг, выше по склону примостились кирпичные дома срединников, а ближе к вершине сверкают невероятные поместья высотников: участки земли, блестящие колонны, теплые комнаты.

Выдыхая облачка пара, я спускаюсь по шаткой крыше таверны. По водосточной трубе съезжаю в переулочек. Приземлившись в лужу слякоти, чувствую боль, когда холод кусает за голые щиколотки. Однако мороз меня не остановит. Зима отняла мизинец на левой ноге, но большего ей не видать.

Перехожу на бег. В крутых и узких переулках воняет тухлятиной. Холодный ветер треплет мне кудри.

Ноги горят оттого, что бежать приходится в гору, но я упрямо двигаюсь дальше.

Меня окутывает тень, когда сияющая луна ныряет за соседний остров. Поросший деревьями и укрытый снегом, тот парит в облаках. Он тих, как и эти переулочки.

Я резко останавливаюсь. Лицом в снегу, под свисающими с крыши сосульками лежит человек. Застыв, я осматриваюсь в поисках следов нападения: окровавленного оружия, спутанных отпечатков ног... Ничего такого.

Он умер, замерз в одиночестве.

Я бегу дальше, на всякий случай стиснув трость покрепче.

Мать захотела бы, чтобы я осмотрел замерзшего, а вот отец учил, как драться и быть безжалостным. Он посреди ночи выдергивал меня из постели и, сунув в руки тренировочную трость, выводил на площадь Урвинов. Отец был легендарным дуэлянтом, учился фехтованию, едва начав ходить. Он всегда обезоруживал меня. Без пощады сбивал с ног — как я ни сопротивлялся, как ни плакал, умываясь собственной кровью.

Это, говорил он, нужно для того, чтобы я мог исполнить свой долг и защитить семью, когда нам бросят вызов.

Я сплевываю на землю.

Встав у края переулка, осматриваю улицы Низины. Сердце так и колотится, дыхание перехватывает, в ногах покалывает. Тут полным-полно людей, ютящихся по углам, бродячих животных и квелих огоньков. У бочки с костром греют грязные руки трое низинников в заношенных куртках. Чуть дальше две женщины мутузят друг друга палками. Даже не дуэльными тростями. Они так увлеклись дракой из-за ковриги, что не заметили, как ее стянула какая-то псина.

Я хмурюсь.

Меритократия так устроена, чтобы низинники хотели большего, желали возвыситься. Но беда в том, что мы слишком слабые, вечно голодные и потому не представляем угрозы для тех, кто выше. Именно этого верхи и добиваются: держат нас внизу, чтобы мы никогда не набрались сил, не могли бросить вызов и победить в поединке за статус.

Быстро перебежав улицу, ныряю в следующий переулок и иду дальше мимо ветхих домишек. Наконец оказываюсь у стены, что отгораживает срединные кварталы. Ворот нет. Обливаясь потом, пересекаю Срединную улицу, обрамленную причудливыми кирпичными домами. В окнах горит теплый свет. Жилища покрупнее обнесены заборами — для защиты от воришек-низинников. Над заснеженными тротуарами висят кристаллические фонари.

Кажется, что все мирно спят в своих постелях.

Обогнув угол, успеваю заметить цепочку летающих экипажей, взбирающихся по прекрасным улицам Вершины. Эти машины, движимые энергией кристаллов, летят точно серебряные пули, и все они направляются к могучим вратам из стали горгантавна.

К вратам поместья Урвинов.

Дядя снова закатил прием.

Облизнув губы, я несусь мимо домов срединников. Достигаю входа на улицы Вершины. Ворота заперты. Взяв трость в зубы, я хватаюсь за обледенелые прутья и лезу наверх.

Внезапно на Высокой улице, по ту сторону изгороди, показывается страж. Проклятье. Сердце уходит в пятки. Я перекидываю ногу через ворота и, не дожидаясь, пока страж обернется, соскальзываю по прутьям вниз. Ныржаю за оставленный тут же экипаж. Ободрав колени, хромаю в сторону жилых районов, используя деревья и стоящие экипажи как укрытие.

Убравшись от стража подальше, жадно вглядываюсь в невероятные красоты Вершины. По подогретым улицам, попадая в стоки, бежит талая вода. Вдоль тротуаров тянутся ухоженные деревья — прямо под внушительными стенами, которые отделяют одно поместье от другого. В окнах величественных террас и балконов горят золотые огни.

Теплая вода унимает тупую боль в стопах. Я наспех омываю разбитые в кровь колени. Задерживаться нельзя. Здесь за каждым углом еще больше стражей — они хищно вглядываются в метель.

Когда мимо проплывают навороченные металлические экипажи, я, пригнувшись, бегу рядом с ними, стараюсь держаться ниже окон. Бесшумный транспорт везет богатеев на званный вечер; машина сделана из чистой стали горгантавна и парит, точно призрак. Вот только прикрытие из нее слабое, ведь ноги мои все равно видно, поэтому я проскальзываю между прутьями за решетку ливнестока. Всматриваюсь во тьму тоннеля. Из-за подогрева улиц тут как в бане.

Стражи время от времени проверяют канализацию, но есть надежда, что прием у дяди отвлечет их внимание. Прижимая к себе трость, я шлепаю по теплой воде. То и дело поглядываю наружу через решетку. Наконец примечаю легкую цель. Сообразив, что за семья оставила ворота открытыми, я от удивления вскидываю брови.

Хэддоки. Богатые сволочи.

Снаружи, у величественной двери поместья, стоит водитель — рядом с открытым экипажем, вытянулся в струнку.

От напряжения у меня сводит пальцы. Второго шанса не будет. Действовать надо быстро.

Выскользнув из тоннеля, пускаюсь бегом. От порывов ледяного ветра жжет влажную кожу. Стопы ноют, колени саднит, но я не обращаю на боль внимания, потому что моя мать умирает.

Пока водитель сосредоточенно смотрит на мощеную дорожку, ведущую к поместью Хэддоков, я жму кнопку с противоположной стороны экипажа. Бесшумно поднимается дверца, и опускается пара ступеней. Внутри салона две кожаные скамьи, привинченные к застеленному ковром полу, напитки в ведерках со льдом и небольшой пульсирующий теплошар.

Я осторожно забираюсь в салон и закрываю за собой дверцу. Как же тепло! Прячусь под задней скамьей, за двумя сложенными пледами.

Слышится приглушенный голос водителя:

— Добрый вечер. Экипаж ожидает.

— Да, да. — Это Нейтан Хэддок. — Холод просто собачий.

Услышав Нейтана, я невольно сжимаю дуэльную трость. Когда я был мальчишкой, этот человек любезничал с нами. Угощал нас с Эллой конфетами... Лишь потому, что нуждался в благосклонности моего отца.

Когда нас с матерью изгнали, Хэддоки и пальцем не пошевелили, никак не помогли. Однако сегодня их экипаж — мой билет на пышное празднество.

В щель между пледами вижу, как в салон, чуть раскачав экипаж, забирается Нейтан. Сняв цилиндр, он оправляет красивый сюртук. К поясу у него пристегнута дуэльная трость с набалдашником в форме золотой утки. Следом садится его жена, Кларисса. На ней платье и красная меховая шубка; она прижимает к груди свою серую трость.

С тихим шипением дверь опускается, и водитель, раскачивая экипаж, усаживается в свой отсек спереди. Пол подо мной начинает вибрировать, когда машина отрывается от земли. Даже через

мягкий ковер я лицом чувствую, как дрожит оживший кристалл. Если бы сердце не колотилось от волнения, я бы, наверное, разомлел в теплоте салона и уснул. Немногодвигаюсь в сторону, чтобы замок в полу не впивался в ногу.

Экипаж покидает поместье Хэддоков, а у меня в животе ощущается легкость. Я словно парю на облаке. Однако вскоре мой комфорт нарушает речь ненавистных Хэддоков: они поносят наглых соседей, посмеявшихся не пригласить их на обед. Потом раздраженно вспоминают, как пришлось уволить повара из срединников за то, что пригорел тост на завтрак.

Эти двое — лотчеры, не истинные высотники. Носят при себе дуэльные трости, но их оружие — не показатель силы. На нем нет трещин. Они платят профессиональным дуэлянтам, чтобы те бились за них, а сами они могли разъезжать в теплых экипажах, жить в роскоши и не работать.

Наконец экипаж замедляется и останавливается. Слышно приглушенное приветствие, и водитель, видимо, показывает охране приглашение Хэддоков.

Машина летит дальше. Даже не видя ничего в окно, я знаю, где мы.

Поместье Урвинов.

Дом, в котором я родился. Земля, где я играл мальчишкой и где, на площади Урвинов, практиковался с отцом в фехтовании.

С тех пор как дядя захватил поместье, за ворота мне удавалось попасть всего пару раз. В первый я пробрался водостоком, но не успел сделать и двух шагов на территорию, как меня поймали. С тех пор дядя запер водостоки. Потом я угнал небольшую лодочку в Низине и полетел в небесную гавань Урвинов. Почти добрался до двери, но меня снова заметила проклятая стража.

Оба раза дядя меня пощадил — по той же причине, по которой не отправил головорезов добить меня и мать. Я ему нужен. Вот только и думать не стану над его предложением. Обойдется.

Тем не менее он обещал сбросить меня за край острова, если я попадусь снова. Что ж, попадаться я не намерен. Только не в этот раз.

— Нейтан, — внезапно произносит Кларисса. — Чувствуешь запах?

Нейтан принюхивается:

— И верно. Мне сразу показалось, что я уловил какой-то слабый душок. Как будто мокрой псиной воняет.

Кларисса тоже принюхивается:

— Кажется, тянет из-под моей скамьи.

У меня сводит внутренности. Вот дьявол.

Через миг она опускается на корточки, хватая пледы, готовая убрать их и заглянуть под скамью, но я дергаю за ручку люка и вываливаюсь прямо на дорожку.

Перекатываюсь в заснеженные кусты, торопясь убраться из-под экипажа. Ветки царапают мне руки и спину. Ошеломленные Кларисса и Нейтан стоят в салоне, тарашатся в раскрытый грузовой люк.

Сердце заходится сильнее, когда они выглядывают в окна. Наверняка догадались, что внутри кто-то был, но что предпримут? Доложат стражам? Тогда распишутся в собственном ротозействе: не заметили вонючего низинника-безбилетника.

Закрыв люк, они возвращаются на места. На их лицах омерзение, но экипаж летит дальше. За ним — другие машины.

Я мокну, сидя в кустах и разглядывая поместье. Сияющее строение с величественными балконами и огромной небесной гаванью; его территория, что занимает весь пик, — дом Эллы. Здесь она провела последние шесть лет своей жизни. Сейчас ей двенадцать.

Какой она стала? Узнает ли меня?

Выбравшись из кустов, избегаю по каменным ступеням ко входу в небольшой внутренний дворик. Стража поблизости па-

трулирует обледенелые сады или прохаживается по тропинкам, ведущим к пруду за поместьем. Патрульные вооружены автомашетами. Тем временем к поместью продолжают прибывать экипажи — туда, где за фонтаном, извергающим цветные струи воды, видна массивная дверь.

От снега рваное тряпье на мне быстро становится мокрым.

Я бегу к заиндевевшей живой изгороди, что тянется рядами вдоль западной стороны поместья. Вблизи дома надо быть осторожным: на крыше, вдоль веранд и террас дежурят несколько стражей порядка; эти приглядывают за потоком напыщенных гостей.

Внезапно над головой проплывают несколько черных обтекаемых судов, и меня обдает ветром. Видимо, дядя пригласил не только знать Холмстэда, но и высотников с других островов. Небесные корабли опускаются в гавань, по трапам сходят на причал самые богатые и могущественные люди этого мира.

Многие из них — лжевысотники, лотчеры, которых отец презирал. Носят хрупкие маски помпезности: толстый слой косметики, накладные ресницы и вычурные дуэльные трости.

Из экипажа выбираются Амелия и Айла Бартисс. Они владеют банком Холмстэда и выдают займы под грабительские проценты, которые могут и дома лишить. У меня глаза лезут на лоб при виде человека, что следует за ними, — адмирал Гёрнер. Пóлы его белой мантии полощутся на ветру, толстые дреды бьются об эполеты. В его властной походке почти не заметно хромоты: на дуэли чести его ранили в бедро. Гёрнер не лжевысотник. Свое положение он заработал пóтом и кровью.

— Эй!

Схваченный за плечо, я едва не вскрикиваю. На меня, хмуря брови, смотрит страж порядка:

— Тебе здесь не место, мелкий низинник.

Он подносит ко рту запястье, чтобы в запонку-коммуникатор сообщить остальным стражам о моем присутствии.

У меня сердце бьется о ребра. Руки у этого человека вдвое больше моих, он подтянут и мускулист. Но его мать не умирает, и он не теряет всё. Ему не приходилось бороться за каждый кусок еды.

Я нажимаю кнопку на трости, и она удлиняется вдвое.

Ударив стража в живот острым концом, стряхиваю с себя его руку. И, не давая закричать, с разворота бью его по зубам серебряным орлом.

Страж падает.

Я прыгаю сверху, готовый придушить его тростью, но, получив пинка, слетаю обратно. От удара спиной о землю из меня вышибает дух. Страж встает. Он в ярости.

Вот дерьмо. Надо отдышаться, но я не могу сделать и вдоха.

— Сейчас я с тобой разберусь, — говорит он, утирая кровь с губ.

Он за шкуру встряхивает меня, будто мокрую простынь. Кулаком бьет в живот, и я, хрипя, снова падаю на землю. Проклятье. Он слишком силен, а я слишком долго недоедал. И все же отец не зря показывал мне, как побеждать тех, кто превосходит меня размерами: использовать все доступные способы.

Получив между ног, страж охает и сгибается, но стоит мне подняться, как он хватает автомашку. Я уклоняюсь и со всей силы бью противника орлом по лбу.

Больше он не встает.

Плюнув на стража, утираю губы. Обхватив себя поперек живота руками, насилию делаю вдох. Потом, ковыляя прочь, слегка улыбаюсь: сегодня мне дует попутный ветер. Я вернулся на земли поместья, победил стража. Я приведу Эллу назад, к матери, и судьбы наши изменятся. Может, Элла даже прихватит с собой деньги. На них мы купим билет на пассажирское судно и вместе улетим отсюда как семья. Переберемся на другой остров, туда, где у дяди нет влияния.

Добираюсь до западного крыла поместья и ныряю за живую изгородь. Террасы патрулируют шестеро стражей, и еще один стоит на крыше прямо надо мной — он зябко переминается с ноги на ногу, потирая ладони.

Надеюсь, он не станет вглядываться в кусты и не увидит собрата, что лежит там без сознания.

Стоит ему отойти в сторонку, и я подпрыгиваю, цепляюсь за карниз ближайшего окна. Чуть не срываюсь, елозя босыми ногами по грубой стене. Мне все же удается подтянуться на ноющих руках и заглянуть за стекло. Внутри, в кабинете, пусто.

Вот только замо́к на окне не поддается.

Проклятье.

Разумеется, дядя запер окна, пусть его дом и охраняет целый расчет. Может, попытать счастья и подняться выше?

Страж вернулся, и я замираю. На миг он подается вперед и смотрит в мою сторону. У меня мурашки по спине и по шее. Вот-вот раздастся крик...

Однако страж молча отходит назад.

Выдохнув, лезу выше. Кровоточащими пальцами ног ощупываю каменную кладку, нахожу уступы и наконец оказываюсь на балконе третьего уровня. За стеклянной дверью — комната.

Я замираю. Так увлекся, что забыл, чья она. В ней жили Хейлы, когда приезжали к нам. У меня все сжимается внутри, стоит вспомнить бабу и деда по линии матери.

Хейлы принадлежали к срединникам — из тех, кому нет дела до возвышения. Они были родом с другого острова, хотели приютить нас с матерью. Даже вылетели на Холмстэд и должны были забрать нас из Низкого порта. Однако их корабль рухнул с небес по пути туда.

Дядя.

Эта сволочь обещала мне страдания, если я отклоню его предложение.

Глядя в комнату, освещенную пульсирующим светом теплошара, чувствую пустоту в сердце. Потом хватаюсь за ручку двери и зажмуриваюсь.

«Хоть бы оказалось не заперто, пожалуйста».

Ручка проворачивается, и дверь балкона поддается. Невероятно. И все же, оказавшись в тепле комнаты, я улыбаюсь грустной улыбкой. Меня переполняют воспоминания о детстве: я сижу на диване с дедом, пока бабушка заплетает Элле косички у теплошара и рассказывает нам истории. Дед подмигивает мне, а Элла хохочет над его смешным голосом.

Я тону в этих грезах, одновременно стараясь не поддаваться ужасной пустоте в душе.

«Обуздай свои эмоции, — будто бы шепчет отец. — Двигайся».

Тереблю растрепанный подол рубашки. Отчасти я сомневался, что когда-либо вернусь сюда, но вот я снова здесь. Стою окровавленными стопами на пышном ковре.

Надо отыскать Эллу. Снаружи вдоль коридора тянутся двери шестидесяти с лишним комнат. В доме четыре кухни, десятки ванн... Сестра может быть где угодно. К счастью, я знаю поместье как свои пять пальцев.

Скрипнув петлями, открываю дверь. Коридор застелен ковром с узором в виде бархатцев. И хотя бальная зала — в центре поместья, гомон праздника слышен и здесь: столовое серебро, струны музыкальных инструментов, разговоры...

Я крадусь вдоль коридора, а снизу, от основания лестницы, доносятся два раздраженных голоса. Осторожно перегнувшись через перила, я вижу, как какая-то женщина обвинительно тычет пальцем в лицо адмиралу Гёрнеру.

— Я жду гарантий, адмирал, — требует она. На ней простое голубое платье под цвет холодных глаз. — Надо немедленно выслать флот Стражи порядка. Перехватить горгантавнов до начала миграции.

— Силы Стражи и без того растянуты, Беатрис, — с мягким акцентом отвечает Гёрнер. — К тому же горгантавы — не моя ответственность.

Беатрис? Я озадаченно хмурюсь. Ах, эта Беатрис! Герцогиня Фрозенвейла, острова к северу от нашего. Она суровая дама, истинная высотница. Безразличная к последним пискам моды, косметике и прочему, на что так охотно размениваются лотчеры моего острова. На ее трости, как и на моей, остались следы восхождения рода.

— Обязанность Стражи — обеспечивать безопасность Скайленда, — говорит она.

— Не надо мне говорить о моих обязанностях, Беатрис. Южные стаи угрожают линиям снабжения близ столицы. Торговля и экономика держатся на Центральных пределах. Если отрезать остров Айронсайд, экономика рухнет везде. Включая Фрозенвейл.

Адмирал сердито разворачивается, готовый идти, но герцогиня хватает его за плечо. Он яростно оборачивается.

— Мой остров бросают на погибель, — говорит Беатрис.

В повисшей напряженной тишине кажется, будто Гёрнер вот-вот ударит ее, однако он лишь выворачивается и управляет белый мундир.

— Задание отогнать южные стаи горгантавов получил цех Охоты. Если они преуспеют, я отправлю флот Айронсайда на помощь вашему островку.

— Охотники? — переспрашивает Беатрис. — За шесть лет они так и не очистили Северные пределы. Это неразумно...

— Больше вам надеяться не на что. — Адмирал снова собирается уходить. — На вашем месте я бы на Фрозенвейл не возвращался. Здесь куда безопаснее.

— Адмирал, — обращается к нему Беатрис, — безопасных мест не осталось.

Воздух словно бы становится холоднее, и у меня по телу пробегают мурашки. Горгантавны — ужас небес, они берут что хотят. Они бич Скайленда, его погибель и разорение. Когда эрцгерцогом был мой отец, он часто встречался с лидерами Охоты, делал все, что было в его силах, дабы защитить Холмстэд и прочие острова Севера от хищников.

После смерти отца угроза горгантавнов только усилилась.

Но сейчас у меня есть другие, более важные дела.

Огибаю угол. Сердце колотится так сильно и быстро, что чуть из глотки не выпрыгивает. Передо мной комната Эллы, и вот я, стоя у пурпурной двери, вновь чувствую себя маленьким мальчиком. Вспоминаю времена, когда мы с сестрой шалили, развозя по залам грязь или рисуя на старых портретах рожицы. А сколько окон мы перебили...

«Хоть бы ты была внутри. Ну пожалуйста».

Я закрываю глаза. Проворачиваю ручку и толкаю дверь.

Щурюсь в ожидании, пока глаза привыкнут к свету. Комната изменилась. Никаких игрушек, полы безупречно чисты, книги аккуратно сложены, а стул придвинут к столу. На стенах рядами висят тренировочные трости. Все — в трещинах. Тут я замечаю на деревянной крышке стола золотой кулон.

И, только сделав шаг вперед, вижу тень у кровати.

Страж. Целится из автомашкета прямо мне в голову.

ГЛАВА 02

Миг — и меня окружает целый рой охранников. Одному я успеваю рассечь подбородок тростью, но дальше бой складывается не в мою пользу. Гнев уступает слабости изможденных голодом мышц.

Меня тащат куда-то по коридору. В горле жжет, ребра ноют, а мир вращается перед глазами.

Мы спускаемся в недра западного крыла, ниже обогреваемых уровней, и меня швыряют в каземат, конфисковав трость. Сзади захлопывается дверь, и я, со стоном хватаясь за бок, остаюсь практически в полной темноте, нарушаемой светом кристалла.

Меня наверняка станут морить голодом несколько дней, а после сбросят с острова.

Мама. Я вижу ее как наяву, слышу, как она взывает ко мне слабым голосом. Ей холодно, голодно. И от этих мыслей огнем просыпается остаток сил. Я ковыляю к двери.

Заперто.

Не то чтобы я ожидал чего-то иного. В прошлый раз отшиб себе плечо об эти толстенные доски.

Я оседаю на пол, спрятав голову между коленей, и меня окутывает гулкая тишина.

Дрожащими пальцами достаю из кармана кулон. Эта находка — худшее, что случилось со мной за сегодня. Я ведь дарил его Элле на ее шестой день рождения с обещанием во что бы то ни стало всегда быть с ней. Теперь это символ нашей разлуки. Тонкая цепочка с эмблемой в виде орла Урвинов на медальоне. На обороте оттиснуты наши инициалы: «КиУ» и «ЭиУ». Мы с Эллой собирались вместе возвыситься в этом мире. Как брат и сестра.

Надеваю кулон на шею.

Внезапно дверь открывается. Я с воем прыгаю на того, кто вошел, но мгновением позже падаю, кашляя и хватаясь за горло. Перед моим лицом останавливается пара кожаных сапог. Я бы впился в них зубами, но все мои животные инстинкты замирают, когда голос произносит:

— Жалкое зрелище.

Дядя стоит надо мной — в богатом сером мундире, по-солдатски вытянувшись в струнку. Его образ разжигает во мне пламя гнева. Ульрик из Урвинов. Эрцгерцог.

— Ты все приходишь и приходишь, — говорит он. — А я-то ждал, что из тебя наконец что-то путное выйдет. — Он обходит меня кругом. — Взгляни на себя, Конрад. Ты так и не стал мужчиной. Скорее уж какой-то крысой.

Я скрежещу зубами. Не стану лежать здесь, выслушивая оскорбления от этого человека. Вскакиваю на ноги и бросаюсь на дядю, но он лишь делает шаг в сторону и смотрит, как я ударюсь о стену.

— Ты доказал ошибочность моей теории, — произносит он.

Я сплевываю кровь:

— Чихал я на твои теории, дядя.

— Прискорбно. Будь моя теория верна, ты бы сейчас уже обрел силу. — Он делает паузу. — Ты получил мое предложение, Конрад? Насчет Отбора. — Окидывает взглядом мои рваные оде-

жды, выпирающие ребра. — Видимо, от скудной пищи твой мозг уже не тот, что прежде. — Подносит запястье к губам и произносит в запонку-коммуникатор: — Несите.

Входит стражник, на подносе у него хрящики и какая-то каша. Пюре, похожее на выплюнутые младенцем овощи.

— Где Элла? — спрашиваю.

— Ешь. Потом и поговорим.

— Это и крыса бы не стала есть.

— Посиди здесь подольше, и не такое проглотить.

Я отвечаю злобным взглядом, однако меня выдает урчание в желудке.

Дядя улыбается.

Неизвестно, когда он покормит меня в следующий раз, а есть приходилось и нечто похуже. Поэтому, глядя ему в глаза, я заталкиваю овощи в рот.

— Где моя сестра?

Дядя присаживается на табурет и проводит рукой по волосам с проседью.

— Истинный Урвин принял бы мое предложение. Я вот гадаю, правда ли ты сын моего брата. — Он слегка улыбается. — Возможно, твоя мать нашла утешение в объятиях другого...

Кровь в моих жилах моментально вскипает, и я снова прыгаю на дядю, готовый уничтожить того, кто огнем стер мое имя и отнял у меня все.

До сих пор дяде было весело, но вот мой костлявый кулак врежется ему в челюсть. Тут что-то проскальзывает во взгляде его синих глаз, и миг спустя я уже на полу, хватаюсь за живот.

Дядя опускается рядом на корточки.

— Возможно, — говорит он, приподняв мне подбородок и глядя в глаза, — в тебе еще осталось что-то от Урвинов. Просто оно нуждается... в толчке. — Заложив руки за спину, он обходит меня кругом. — Ты ведь помнишь, почему я пощадил тебя столько лет

назад? И почему щадил после каждой твоей ничтожной попытки «спасти» сестру?

Я не отвечаю.

— Кровь Урвинов особенная, — говорит он. — Редкая. Возглавить наш род может только сильнейший Урвин. — В его глазах возбужденный блеск. — Я говорил, как тебе отвоевать имя, как снова заслужить место на Стене Урвинов.

«Доказать свою силу и примкнуть к этому человеку? — нахмурившись, прикидываю я. — К тому, кто предал собственного брата? Кто изгнал нас с матерью, бросив гниль в канавах этого острова?»

Дядя подается вперед:

— Пройди Отбор.

Я издаю смех вперемешку с кашлем.

— Если преуспеешь, Конрад, у тебя будут еда, ресурсы. Неспоримый статус. Все, чего бы ты ни пожелал.

Верно. И еще я могу погибнуть.

Дядя окидывает меня взглядом, а после щелкает пальцем по запонке-коммуникатору. Камень в ней загорается белым.

— Вносите.

Дверь приоткрывается, и стражник швыряет внутрь отцовскую трость. Дядя ловит ее на лету. Зубами стягивает с руки перчатку и проводит пальцами по трещинам. На мгновение задерживает почти тоскливый взгляд на выщербленном орле Урвинов.

— Поразительно, как тебе удалось ее сохранить, — говорит он. — Уверен, низинники на нее покушались.

— Только через мой труп.

Большим пальцем он ласково оглаживает трещинку поновее.

— Ты дрался?

Молчу.

— За лекарство для матери? — Дядя вертит оружие в руках, исследуя отметины пальцами. — Этой тростью ты творил новую историю.

— Присоединился бы ко мне, — отвечаю. — В Низинной яме.

Он заглядывает мне в глаза:

— А, так ты однажды хочешь бросить вызов мне.

— Хочу.

Дядя смеется:

— Ты тупое орудие, Конрад. Хотя, при некоторой закалке, твой край можно и заточить.

Он продолжает изучать истории, которые я добавил к этой трости. Какие-то трещины появились в ночь, когда я сражался с четырьмя низинниками сразу. Чуть ребро тогда не сломал, потерял краешек зуба. А потом два дня кашлял кровью.

Зато вырченного хватило на лекарство, и я смог подарить матери еще немного времени.

— Через дуэли тоже можно возвыситься, — говорит дядя, оглядывая меня. — Ты худой, но жилистый.

Можно, да только дяде восхождения через дуэли было бы мало. Ему в роду нужен кто-то со статусом прошедшего Отбор. Тогда весь мир узнал бы, что могущество Урвинов опирается не только на физическую силу.

На поясе у дяди тоже висит трость. С набалдашником в форме орла Урвинов. Однако, пусть она и покрыта следами дуэлей, ее история даже рядом не стояла с историей моей трости.

— Подумывал оставить эту старинную вещицу себе, — говорит о моем оружии дядя. — Впрочем, я поднимаю род к дальнейшим высотам. Творю новый путь. А то семья наша застоялась на месте. Урвинам уготовано нечто большее, наша сила должна расти.

Я прищуриваюсь, и тут он бросает трость мне.

Мощь моих предков снова со мной. Сила легендарных Урвинов, что оберегала род через это оружие, подняв нас к Вершине, сделав эрцгерцогами и эрцгерцогинями одного из самых могущественных островов Скайленда.

— Конрад, — дядя серьезно смотрит мне в глаза, — это твой шанс спасти мать.

Да я скорее ногу себе отгрызу, чем заключу сделку с ним.

— Где Элла? — спрашиваю.

— В безопасности.

Нас разделяют какие-то сантиметры. Он явно не собирается уточнять, где именно сейчас сестра.

— Ну так дай мне лекарство, — грозно требую я.

По коварному лицу дяди расплывается улыбка.

— Значит, ты наконец проглотишь свою гордость и пройдешь испытание?

Гордость? Он что, думает, будто я его предложение из гордости отвергал?

— Дело было вообще не в принципах, — говорю, вставая, а палец мой опасно тянется к кнопке, которая раскладывает трость. — Думаешь, я вот так возьму и забуду, как ты продырявил череп моему отцу, а нас с матерью обрек на страдания? Как убил моих бабу с дедом? Нет, дядя, я не стану твоим подопытным. Не стану доказывать теорию, будто всем Урвинам уготовано возвышение. Лучше в Низине с голоду помру.

Он со вздохом качает головой:

— И обречешь родную мать на смерть?

— Это ты обрек ее на смерть, вышвырнув нас! Мы в Низине, дядя, где ветром в дома загоняет кислотные тучи. Мать харкает черной слизью, у нее гниют легкие! Своего наследника заделать не можешь, вот и забрал к себе Эллу. Теперь ждешь, что я докажу свое право находиться подле тебя? Я знаю, что за кровь течет в моих жилах, и ни черта не стану доказывать убийце и предателю.

Меня переполняет отцовский гнев. Все драки в Низине готовили меня к этому моменту. Дядя ощутит на себе мою ярость.

Выбросив трость вперед, я нападаю.

Дядя останавливает меня тычком в живот, а потом добавляет удар наотмашь по затылку.

Я мешком падаю на пол. Дядя вырывает у меня из руки оружие и дважды бьет по ребрам. Я задыхаюсь.

Глаза слезятся. Все болит.

Дядя смотрит на меня свысока и разочарованно покачивает головой, потом разворачивается на месте и уходит. Дверь с грохотом захлопывается, а меня посещает зловещее предчувствие, что говорили мы последний раз.

* * *

Странное чувство, когда тебя тащат на смерть под безмятежным ночным небом.

В глазах темнеет, легкие болят. Меня за ногу волокут вниз по крыльцу. Спина скребет по каменным ступеням, затылок бьется о них. С каждым шагом, с каждым ударом у меня трещат ребра. Не спасает даже слой мягкого снега.

Здоровенный охранник идет широким шагом, целеустремленно. Его потная лысина блестит в лунном свете. Воротничок стойка его мундира трепещет на ветру; на поясе болтается трость моего отца.

Наконец поверхность выравнивается. Мне в раны набивается льдистая грязь. Вдали остаются огни поместья, отражающиеся в подогретом пруду, который мы миновали. Ветер разносит звуки оркестра.

— Глупый крысеныш, — ворчит охранник. — Тебя предупреждали, что этим кончится, и все равно ты вернулся. В который раз.

Этот охранник мне незнаком, помню только, что он не отходит от дяди. У того всегда была своя охрана, а прежнюю разогнали.

— Отпусти, — говорю.

— Чтобы меня самого сбросили? — фыркает охранник. — Ну-ну.

И восходит на дощатый причал. Внутри все сжимается от ужаса. Вот сейчас меня поднимут и швырнут за край острова. Я полечу вниз, в кислотные облака, и они растворят мою плоть.

Я цепляюсь обеими руками за деревянный столб. Тогда охранник отпускает мою ногу.

— Глупый низинник, — бурчит он.

Я встаю, вдыхая морозный воздух. Можно бежать, но далеко ли получится уйти, прежде чем охранник оповестит остальных? Лучше уж остаться и биться. Вырубить его, пока он не вызвал подмогу.

— Ну так давай, — говорю, жестом подзывая его. — Давай, дерьмо ты крачье!

Охранник сердито надвигается. Я бью его в грудь и тянусь за тростью отца, но он перехватывает мою руку и так стискивает ее, что от боли глаза лезут на лоб. Падаю на колени.

Охранник бьет меня тростью по лицу. Я плюю ему в глаза, за что получаю еще удар.

— Ульрик просил передать вот это. — Он сует мне трость под рубашку, потом хватается за руки и тащит.

В живот впиваются занозы. У самого края пирса охранник замирает, встает поудобнее и берет меня за оба запястья одной рукой.

Я кричу. Пытаюсь вырваться. Но он все равно поднимает меня в воздух. Поверить не могу, что все так закончится. Какая же глупая смерть...

Однако сбросить он меня не успевает — раздается жуткий скрежет. От ужаса у меня по всему телу пробегают мурашки и сердце начинает бешено колотиться.

— Быть не может, — бормочет охранник. — Стаи ведь не...

Его взгляд наполняется ужасом. Он роняет меня. Я падаю на причал, и трость вываливается из-под одежды на доски.

— Горгантавны! — орет охранник в запонку-коммуникатор. — ГОРГАНТАВНЫ!

Мир вращается перед глазами. Все тело болит, но я подхватываю отцовскую трость и, оперев ее в доски, пытаюсь подняться.

Воздух снова наполняется пронзительным скрежетом. Я резко оборачиваюсь к облакам, и сердце мое уходит в пятки.

Нет.

Вопят тревожные сирены. По всему городу гаснут кристаллы-светильники, а на бледном фоне луны, как на холсте, возникает дюжина летающих змеев. Извиваясь, они плывут по воздуху в нашу сторону. Сверкают стальной чешуей и золотыми глазами, сулящими смерть.

ГЛАВА 03

Я бреду вниз по одной из улиц Средины, точно рыба, плывущая против течения.

Мимо проталкиваются охваченные паникой люди. Они высыпали из домов и спешат к Вершине. А над нами, ближе к поместьям богатеев, антигравитационные пушки палят в небо разрывными снарядами. Небо озаряется голубым пламенем, подсвечивающим силуэты змеев, что кружат в высоте.

Верещит горгантавн. Мы падаем на колени, зажав уши.

Ревут дети. Никто не остановится помочь им. Нет смерти ужасней, чем живым угодить в брюхо небесного монстра.

По ногам поднимаются волны боли. Адреналин и трость не дают мне упасть, но на большее сил просто нет.

На меня вдруг налетает какой-то срединник. Падаю. Тону в живом потоке людей. Мне наступают на пальцы. Оттаптывают руки и ноги. Я кричу. При помощи трости опрокидываю одного человека, пока он окончательно не переломал мне кости, и заползаю по слякоти в переулок.

Левый мизинец торчит в сторону. Рывком вправляю его, и боль пронизывает всю руку, но у меня нет времени на то, чтобы оправиться. Надо вернуться к матери. Хромая, тащусь переулками.

Стоит обогнуть угол, как над головой проплывает серебристое подбрюшье горгантавна.

Вот же дьявол, какой он огромный! Возможно, четвертого класса*, а это больше ста двадцати метров в длину. Тело чудовища все тянется и тянется, и я глазею на него, разинув рот в благоговейном ужасе. Это живая исполинская волна стальных чешуек.

Горгантавн разворачивается к острову и открывает пасть. Его челюсть будто ковшом проходится по району низинников, сгребает домишки и вопящих людей.

Не успеваешь монстр вернуться за добавкой, как ему в бок ударяет залп антигравитационных разрядов. Раздаются взрывы, и по воздуху расходятся волны жара.

Я срываюсь на бег, стиснув зубы от боли. Один, как дурак, бегу не в ту сторону. На острове дома срединников и высотников связаны аварийной системой. Стоит сработать тревоге, и в них моментально гаснет свет. Зато Низина с этой системой не связана. Наши дома согревает огонь, а свет дают свечи. Теперь жилища объята пожарами. Слетается еще больше горгантавнов, привлеченных заревом.

За следующим поворотом я останавливаюсь на вершине склона и в ужасезираю на то, что творится внизу. Низина превратилась в полыхающие развалины, а горгантавны заглатывают целые улицы. Взрывают землю стальными челюстями, жуткими зубищами крошат дома. Слышен треск дерева и крики, которые быстро смолкают.

Страх и инстинкты велят мне бежать обратно к Вершине, но, глядя на гибнущие районы, я вдруг замечаю таверну Макгилла. И желтый огонек в комнате, где спит моя мама.

---

* Оригинальная классификация горгантавнов основана на имперской метрической системе: так, горгантавн I класса имеет в длину 100 футов (ок. 30,5 м), горгантавн II класса — 200 футов (ок. 61 м) и т. д. — *Прим. пер.*

Зря я оставил ее!

Зависший прямо над таверной горгантавн первого класса опускает голову. Устремляется вниз всем своим тридцатиметровым телом...

Я кричу. Хватаю крышки мусорных баков и колочу ими друг о друга. Прыгаю на месте, размахиваю руками. Но ничего не работает.

К глазам подступают слезы.

— Мама!

Зверь уже готов проглотить таверну целиком, но тут к Низине устремляется черная тень. Она пролетает так близко к земле, что воздушной волной опрокидывает несколько хижин, а меня сбивает с ног.

Это «Голиас»! Линейный крейсер адмирала Гёрнера мчится черной стрелой и палит на ходу из огромных пушек с двадцатиметровыми стволами. От выстрелов словно раскалывается само небо. Ударная волна такой силы, что меня швыряет на ящики.

По чешуе горгантавна будто течет жадное пламя, его бок раскаляется докрасна, и монстр мечется из стороны в сторону. Охваченные огнем чешуйки разлетаются по городу десятками рдеющих металлических дисков. На «Голиас» оборачиваются остальные горгантавны. Их золотые глаза горят ненавистью.

Это битва титанов.

Я пытаюсь встать, но рука соскальзывает с трости. Тело так слабо, что даже адреналин больше не помогает.

Еще один горгантавн, вереща, кидается вслед «Голиасу». По переулку прямо на меня скользит хвост зверя, острый, как сабля. Проходит мимо, вспарывая землю, а потом одним яростным движением рассекает надвое кирпичный домик у меня за спиной.

Строение со стоном разваливается.

Меня накрывает дождем из кирпичей. Один даже бьет в спину, и я, оглушенный, падаю. Обернувшись, вижу, как кренился целая стена. Еще миг — и расплющит.

Внезапно меня хватают за плечи и волокут прочь, вниз по обледенелому переулку. Стена же падает на то место, где секунду назад лежал я.

Голова идет кругом, я кашляю.

Из облака пыли выходит девушка примерно одних со мной лет. Ее светлые волосы стоят торчком, словно язычки белого пламени, а взгляд синих глаз дикий, точно воды реки Холмстэд. Облаченная в чистую серую форму, она явно не из низинников.

— Кто ты? — хрипло спрашиваю я.

Однако девушка убегает, скрывшись в клубах дыма.

— Эй! — кричу вслед.

Она не останавливается.

К тому времени, как я добираюсь до Низины, пожар уже раскинулся. Снег тает. Дым ест легкие, сколько ни прячу лицо в рукав.

«Голиас», такой крошечный на фоне окруживших его змеев, получает удар в бок. Раздается грохот. Флагман Стражи порядка крутится, паля во все стороны. Какие-то выстрелы приходятся по Низине. Однако добить крейсер стая не успевает — выровнявшись, «Голиас» уносится к горизонту. Уводит за собой всех змеев от острова.

Спасает нас.

А я даже не чувствую облегчения. Каждый шаг отдается острой болью в боку. Глаза слезятся и хочется кашлять.

Я быстро иду по улицам. Люди тушат свои дома, заливая огонь водой из ведер. Зовут любимых. Другие посреди этого хаоса сидят на земле, устремив в пустоту невидящий взгляд; их лица не выражают ничего.

Пропали целые районы. Их раздавило; из земли, подобно ребрам, торчат деревянные опоры.

Обогнув угол, я потрясенно застываю. Смотрю на обломки и беспорядок. Это была моя улица. Стуча тростью по земле,

в ужасе ковыляю дальше. Мимо ветхой каменной стены, мимо маленького рынка, на котором порой выменивал трофеи на хлеб. Останавливаюсь у дымящихся останков таверны. Кожу покалывает от ужаса.

Ее нет.

Уронив трость, кидаюсь вперед, бегу по горячему пеплу и углям. Падаю на колени и роюсь среди обугленных досок, режусь о битое стекло. Наконец вижу сквозь слезы мамин матрас, прогоревший до ржавых пружин, и... больше ничего. Все пропало.

Пропало.

Спотыкаясь, отхожу назад; словно со стороны слышу собственные крик и плач. Осознав вдруг, что я не дышу, снова делаю вдох.

Мама.

Встаю, падаю и снова поднимаюсь. Кое-как дойдя до тротуара, сажусь. Чувство, что вот-вот вырвет от омерзения к самому себе — за то, что меня не было здесь, когда все случилось. Нарушил обещание: беречь мать.

Она не могла погибнуть... не могла!

Но постепенно приходит осознание. Мне становится холодно, будто по спине сползает кусок льда, и я проваливаюсь в бездну ужасной пустоты. Что успела сказать мне напоследок мама? Она хотела, чтобы я стал лучше. Не отнимал чужого. Таково было последнее желание Элис из рода Хейлов.

Я уже хочу подняться и бежать, больше никогда не останавливаться, но тут мне на плечо ложится чья-то ладонь. Надо мной возвышается сильнейшая женщина из всех, кого я когда-либо знал. Однако это уже не хрупкая больная, которой я подтыкал одеяло ночами. Это уже не та женщина, которую я кормил с ложки чуть теплым супом. Нет, она снова стала благородной леди Холмстэда. Той, что когда-то повелевала ветрами так же легко, как и сердцем моего отца.